

КОМПОЗИТНЫЕ ЭПИТЕТНЫЕ СТРУКТУРЫ В ТЕКСТАХ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

С.А. Губанов

*Кандидат филологических наук,
доцент кафедры германских языков
e-mail: gubanov5@rambler.ru*

*АНО ВО Самарский университет государственного управления
«Международный институт рынка»*

Статья посвящена анализу типов композитных эпитетных конструкций в текстах Марины Цветаевой. Дается характеристика понятию эпитета и эпитетной структуры, а также приводится их типология с опорой на эмпирический материал. Отмечается, что особенностью идиостиля Марины Цветаевой является конструирование эпитетных конструкций по принципу противопоставления частей сложного эпитета, но антитеза всегда является проявлением сходства объектов, являясь по сути метафорической.

***Ключевые слова:** эпитет, композитная эпитетная структура, Марина Цветаева, метафора.*

Целью данной статьи является описание композитных эпитетных структур на материале текстов Марины Цветаевой, что включает в себя: определение композитного эпитета, выявление его функций в контексте, выделение типов композитных эпитетных структур, места таких эпитетов в общей системе авторского стиля. Методами описания материала будут выступать контекстуальный, семантический, концептуальный и компонентный типы анализов текста.

В настоящей статье в сравнении с термином «сложный эпитет» предлагается более широкое понятие – *композитная эпитетная структура* – такая адъективно-именная единица, которая состоит из объекта эпитетации (предмета, явления, лица, определяемого в контексте) и сложного по структуре эпитета, состоящего как из одного слова, образованного сложением корней (сложного корня), так и из нескольких корней за рамками одной лексемы (блочные типы эпитетов: *девичий-свой-львиный захват*, разрыв эпитетов: *не без – а все-язычен*) или путем сращения (*вдруг-ворвавшееся ура*). Эпитетный комплекс с композитной эпитетной единицей, безусловно, рассматривается в единстве определяемого и эпитета. Выбор такого термина представляется нам наиболее точным, поскольку конструирование сложного эпитета происходит в авторских, в том числе цветаевских, текстах очень

разнонаправленно, а выражение сложного признака-характеристики окказионально и неоднозначно.

Композитная единица эпитетного типа выполняет коннотативную, компрессионную, концептуальную функции, выражая несколько оценочных, экспрессивных и описательных значений.

Изучение сложного (композитного) эпитета в его структурно-семантических разновидностях является актуальным направлением формальной эпитетологии в рамках лингвопоэтики [Глушкова 2000, Куксина 2008, 2008а, Лободанов 1984, Маниева 2007, Четверикова 2008]. Данный тип эпитета как единица лингвостилистики нашел отражение в работах по изучению языка русских писателей [Глушкова 2000, Губанов 2014, 2016, Фадеева 2013, Четверикова 2008] и в общей теории художественных определений [Лободанов 1984]. Рассматриваемое языковое средство чаще всего трактуется как характерное отражение индивидуальных особенностей стиля и поэтики автора. Однако до сих пор остаются недостаточно изученными проблемы типологии сложных эпитетов, семантические процессы, связанные с соотношением компонентов такого эпитета, его функционирование в языке художественной литературы.

По мнению Т.М. Фадеевой, «сложный эпитет проходит в своем развитии путь трансформации от синкретического определения нерасчлененных в сознании индивида признаков и характеристик объектов окружающей действительности (ранний этап существования сложного эпитета) до маркера идиостиля языковой личности, транслирующего ее аксиологические ориентиры и стилистические предпочтения» [Фадеева 2014: 7]. В художественном мышлении Средневековья и вплоть до эпохи классицизма личностные оценки были на втором плане, поэтому и сложный эпитет в основном отражал описательные подробные характеристики объекта. С развитием индивидуального сознания формируются и идиостили, в которых окказиональный взгляд на мир выдвигается на первый план, что особенно заметно в поэтическом языке начала XX века.

Вопрос о типологии композитных структур и сложных эпитетов остается дискуссионным: традиционно выделяются эпитеты, построенные по типу соединения и подчинения, по моделям равноправия и противопоставления; семантические группы эпитетов также хорошо описаны (колоративные, психологические, оценочные, рациональные). Структурные типы сложных эпитетов довольно многочисленны: словообразовательные типы (модели сложения, сращения и т.д.), морфологические типы (прилагательные, наречия, причастия, местоимения, числительные и др.) и т.д. [Фадеева 2014]. Несмотря на, казалось бы, исчерпывающий перечень типов сложных эпитетов, их таксономия довольно разнородна и непоследовательна.

Приведем некоторые примеры типологий сложных эпитетов.

Т.Д. Четверикова, анализируя художественный язык романа «Тихий Дон» М. Шолохова, пришла к следующему выводу: «Можно выделить несколько видов сложных эпитетов, характеризующихся различными отношениями между компонентами: а) антонимичные отношения (оксюмороны) (*горько-сладкая жизнь, ярко-убогие ореолы*); б) синонимичные (*старчески дряблые ноги*). Среди сложных эпитетов с синонимичными отношениями выделяются эпитеты-колоративы, где введение оттенка признака производится с помощью суффикса *-оват* (*сизовато-голубое мерцание огней*), префикса *из-* (*изжелта-красный сазан*), словосложения, где один из компонентов выражает цвет метафорически (*воронено-черные усы*) [Четверикова 2008: 8].

Исследователь А.Е. Куксина на материале прозы Ю. Нагибина выделяет двух структурно-семантические группы сложных эпитетов, а именно: группу сложных эпитетов со смысловыми отношениями сочинения, среди которых представлены подгруппы с отношениями соединения (*благородно-нежное звучание*), с добавочно-усилительным значением (*дурманно-сладкий аромат*) и с сопоставительными и противопоставительными отношениями (*грустно-добрый отец*); а также группу сложных эпитетов, компоненты которых находятся в отношениях подчинения (с конкретизирующим значением – *бесстрастно-героическое лицо*; эпитетах со значением принадлежности – *седовласый старик*; со значением направленности действия на прямой или косвенный объект – *головоломные задачи*; слитных эпитетах, опорные части которых – прилагательные и причастия, определяемые наречиями – *чертовски ленивый Дельвиг*) [Куксина 2008]. В данной типологии, как можно заметить, смешаны формальные и семантические критерии классификации.

Перейдем к рассмотрению типов композитных эпитетов в текстах Марины Цветаевой.

Следует признать, что в текстах Марины Цветаевой эпитету вообще, отражающему характеристику явлений и лиц, уделяется большое внимание, при этом личностная, предельно эмоциональная их оценка является неотъемлемым компонентом ее идиостиля. Этот факт отражен в ее дневниках: «...я день (у стола, без стола, за мытьем посуды или головы и т.д.) ищу эпитета, т.е. одного слова...» [Цветаева 1994: т.7: 293].

Сложные эпитеты в текстах Марины Цветаевой изучались в рамках как отдельных исследований ее языка [Громова 2010, Губанов 2014, 2016, Надежкин 2012], так и в работах, посвященных анализу языка той или иной эпохи [Голубина 1997, Фадеева 2014].

Отметим исследования А.В. Громовой, в которых эпитеты, в том числе сложные, в текстах Марины Цветаевой характеризуются как *атрибутивные регулятивные структуры эпитетного типа*.

Данный термин актуализирует контекстуальную значимость той или иной адъективной единицы в связи с целью автора: «Это различные по составу синтаксические конструкции с именами прилагательными, обладающие относительной смысловой законченностью, соотнесённостью с одним художественным образом, актуализирующие в сознании читателя определённую микроцель автора» [Громова 2010: 5]. Соглашаясь с данной мыслью, нельзя не отметить громоздкость данного термина и его широкую семантику; более точным и емким представляется термин «компози́тная эпитетная структура» (компози́тный эпитет).

Материалом для анализа в данной статье послужили тексты Марины Цветаевой различного типа: это стихотворения, поэмы, в том числе фольклорные, прозаические тексты (эссе, воспоминания, дневниковые записи, письма), драматургия. Всего выявлено 3350 контекстов с эпитетами, из них 1080 привлечены для анализа компози́тных эпитетных структур.

Примеры употребления эпитетов приводятся из текстов Собрания сочинений Марины Цветаевой в 7 томах с указанием номера тома и номера страницы [Цветаева 1994].

Выделение типов компози́тных эпитетных структур будет производиться по структурному критерию (количество корней в составе композита, тип написания, нахождение корня в пределах лексемы или вне ее) и по семантическому критерию (особенности значения эпитетного комплекса).

В текстах Марины Цветаевой представлены следующие структурно-семантические типы компози́тных эпитетов.

1. Компози́тные эпитетные структуры двукорневого типа, написанные слитно или через дефис (525 контекстов).
2. Компози́тные эпитетные структуры поликорневого типа, в которых признак выражен как в составе корня, так и за его пределами (254 контекста).
3. Компози́тные эпитетные структуры поликорневого слитного типа (полиблочные эпитеты) (301 контекст).

1. Компози́тные эпитетные структуры двукорневого типа, написанные слитно или через дефис.

1.1. Компози́тные эпитетные структуры, построенные по принципу интенсификации признака. В таких выражениях присутствует указание на проявление признака в большей или меньшей степени, причем именно на эту сторону характеристики обращается особое внимание:

Он странно-дик [Цветаева 1994: т.1: 158]; *Заманчиво-новый, Блещущий взгляд* [Цветаева 1994: т.1: 93]; *Надменно-нежный голос* [Цветаева 1994: т.1: 166]; *Проходишь городом – Зверски-черен, Небесно-худ* [Цветаева 1994: т.1: 338]; *Как скалы заманчиво-сыры!* [Цветаева 1994, т.1: 38]; *О, ей знаком / Бессильно-нежный рот* [Цветаева 1994: т.1: 78];

Его глаза прекрасно-бесполезны [Цветаева 1994: т.1: 202]; *От крови сильно-могучей / Пленного богатыря* [Цветаева 1994: т.1: 563].

Безусловно, помимо интенсификации и градации, присутствует и семантика сложного, порой противоречивого признака (*нежный* и *надменный*): при обрисовке объекта имплицитно противоположные его характеристики призваны раскрыть многоаспектность образа, построенного по метафорическому принципу: скалы *сырые*, но *заманчивые*; город *небесный* (светлый) и *худой* (нищий).

1.2. Композитные эпитетные структуры с *подчеркнуто* противопоставленной семантикой признаков компонент (*Я хочу той себя, несчастно-счастливой; любви зряче-слепые*): при описании лица или чувства неизменно акцентируется внимание на невозможности сосуществования впечатлений или эмоций:

Как любовь забываемо-нова... [Цветаева 1994, т.1: 76]; *Не оживший плод – цветок нежившие-свежий* [Цветаева 1994, т.1: 98]; *Я хочу той себя, несчастно-счастливой...* [Цветаева 1994, т.6: 29]; *Без ласково-твердой хозяйской руки – Скучают мохнатые пчелки* [Цветаева 1994, т.1: 70].

2. Композитные эпитетные структуры поликорневого типа, в которых признак выражен как в составе корня, так и за его пределами.

2.1. Сложный двукорневой эпитет мотивационного метафорического типа; он выделяется нами особенно, поскольку являет собой яркую идиостилевую черту языка Марины Цветаевой.

В подобного рода эпитетных сочетаниях присутствуют несколько признаков объекта, выраженных несколькими корнями адекватного типа, при этом один из корней вынесен в препозицию или постпозицию, но, тем не менее, очень тесно связан с основным корнем. Кроме того, мотивация их соотношения становится понятной в том или ином контексте.

Например:

*Не позабыть бы, друг мой,
Следующего: что если буквы
Русские пошли взамен немецких-
То не потому, что нынче, дескать,
Всё сойдет, что мертвый (нищий) всё съест
Не сморгнет! – а потому что тот свет,
Наш, – тринадцати, в Новодевичьем
Поняла: не без- а всё-язычен* [Цветаева 1994: т.3: 133].

Наряду с явным противопоставлением, отметим особый «висячий дефис», связывающий обе части композитного эпитета и нестандартное оформление определения.

Использование наречных слов с ослабленной признаковой семантикой (*вдруг*, *вдаль*) также способствует конструированию таких окказиональных структур: *вдруг-ворвавшееся ура* [Цветаева 1994: т.2: 62]; *вдаль-зыблющееся изголовье* [Цветаева 1994: т.2: 62].

Как правило, несколько корней сложных эпитетов, соотносимых друг с другом в контексте, имеют в своем составе повторяющиеся, зеркально отражающиеся друг в друге признаки. По этой причине наблюдается языковая игра. Повторы корней с различными определениями оттеняют составляющие признака объекта эпитетации:

*С Летою, – еле-еле жив / В лепете **сребро**текущих ив. / Ивовый **сребро**летейский плеск [Цветаева 1994: т.2: 124]; **ладанный** **слеполетейский** мрак **маковый** [Цветаева 1994: т.2: 124]; **Сластолюбивый** роняю пояс, / **Многолюбивый** роняю мирт [Цветаева 1994: т.2: 62].*

Комбинирование признаков чаще всего обусловлено эмоционально, индивидуально-авторской интенцией; как правило, это сравнение признака с кем-либо или чем-либо:

***Новорожденски-розов** (о герое) [Цветаева 1994, т.3: 92]; **Поступью сановнически-гордой** / Прохожу сквозь строй простонародья [Цветаева 1994, т.1: 429].*

2.2. Композитные словосочетания с эпитетами, выраженные несколькими лексемами-эпитетами. При употреблении таких эпитетов выражение сложного признака происходит посредством нескольких композитных эпитетов.

Зачастую М. Цветаева применяет либо «зеркальное» отражение признаков (соотносимых по какому-либо компоненту значения), либо прием паронимической аттракции, при которой признаковые лексемы сближаются семантически и формально (фонематически, грамматически).

В текстах поэта, стилизованных под фольклорный стих, такие сложные эпитеты песенно-народного типа, но авторски сконструированные:

***Чутко-слуханная.** / **Зорко-слеженная,** / **Неудержанная** [Цветаева 1994, т.2: 112].*

Примером первого случая может послужить окказиональный композитный эпитет *спортсмедный*, возникший как следствие слияния лексем *спорт* и *медный*:

*Не быть тебе нулем
Из молодых – да вредным!
Ни медным королем,
Ни попросту – **спортсмедным***

*Лбом, ни слепцом путей,
Коптителем кают,
Ни парой челюстей,
Которые жуют [Цветаева 1994: т.2: 302].*

Иногда можно наблюдать такие композитные эпитеты, возникновение которых словно подготавливается предшествующим контекстом, наличием «подкрепляющих» их семантику эпитетов:

Что тебе в том длинном, длинном / Чужестранце длинноногом?
[Цветаева 1994: т.1: 473].

Могут повторяться сложные эпитеты с одинаковым корнем, что способствует их смысловому родству:

Каменногрудый, Каменнолобый, Каменнобровый столб:
Рок [Цветаева 1994: т.2: 88].

Перечисление нескольких сложных эпитетов дает представление не только о характеристике объекта, но и выступает в качестве сюжета, обрисовывая целую ситуацию:

Петр был ввергнут в ту мрачно-сверкающую, звездно-лунную, казачье-скачущую, шапочно-доносную ночь... [Цветаева 1994: т.4: 361].

3. Композитные эпитетные структуры поликорневого слитного типа (полиблочные эпитеты).

Данный тип эпитетов демонстрирует окказиональную цветаевскую технику работы с признаковой лексикой. При помощи одного или двух слов-скреп (как правило, местоимений или глагольных форм) происходит конструирование многокорневой эпитетной лексемы, которая образно описывает ситуацию и (или) ее восприятие:

...кладь-твоя-дом... [Цветаева 1994: т.2: 57]; *голова-моя-держав*
[Цветаева 1994: т.3: 322]; *широта-ты-родина!* [Цветаева 1994, т.3: 146];
каб не солдат-таков-крылат [Цветаева 1994: т.3: 64]; *Вихрь-жар-град-*
гром была, – / За все наказана! [Цветаева 1994: т.3: 235]; *Лоб-ему-грудь-*
плеча / Крестит на сон ночной [Цветаева 1994: т.3: 261].

Особенно показателен для типологии композитных эпитетов следующий пример, где два эпитета-адъектива скреплены местоимением *свой*:

Хватай-ка за гриву –
Брать Стамбул-Царьград!
Девичий-свой-львиный
Покажи захват! [Цветаева 1994: т.3: 256].

Местоименный компонент способствует смысловому объединению эпитетов, второй из которых, безусловно, метафоричен.

Подчеркнуто высоким, торжественным эмоционально-оценочным значением отличаются композитные эпитеты, употребляемые автором в его поэмах и драмах, стилизованных под древнегреческую трагедию или фольклорную песню. Все такие эпитеты метафоричны: один из корней содержит объект метафоризации, другой – признаковое его определение. При этом перед нами своеобразное словосочетание в свернутом виде, которое можно «раскрутить» при помощи глагольного компонента:

Вострокрылые гости [Цветаева 1994: т.3: 318], *пеннорожденные, негоупругий рот, стан сильномогучий* [Цветаева 1994: т.3: 202], *бич слепоок* [Цветаева 1994: т.2: 353], *жрец тцемудрый* [Цветаева 1994: т.3: 208], *хмелекудрый столяр* [Цветаева 1994: т.3: 745], *узорешенный юноша* [Цветаева 1994: т.3: 103], *смертолюбивая сталь* [Цветаева 1994: т.2: 89], *день – плащ широкошумный* [Цветаева 1994: т.1: 417].

Будучи ярким поэтом, Марина Цветаева конструирует окказиональные метафорические композитные эпитеты, как в примере с эпитетом *нагловзорный*:

Скалозубый, нагловзорный / Пушкин – в роли Командора? [Цветаева 1994: т.2: 281].

Или *сновиденный* (метафора: во сне увиденные, нереальные):

Сновиденными зарослями (в высоком / Зале – оторопь разлилась) / Я скрываю героя в борьбе с Роком, / Место действия – и час [Цветаева 1994: т.2: 204].

Подведем некоторые итоги. В ходе исследования композитных эпитетных структур в текстах Марины Цветаевой было отмечено, что такого рода эпитеты шире понятия «сложный эпитет», поскольку представлены не только двукорневыми или многокорневыми адъективами, но и сложными окказиональными единицами, выходящими за рамки одной сложной лексемы. В цветаевском идиостиле преобладают сложные эпитеты, построенные по модели сложения, но наличие композитов-эпитетов на основе сращения, дублетных корневых эпитетов и блочных конструкций, а также с «висячим» дефисом говорит в пользу вводимого нами термина. Данные композитные эпитеты выполняют в тексте оценочную, экспрессивную, компрессивную функции; при этом игра слов, каламбуры, авторские окказионализмы дают повод сделать вывод о неординарном столкновении признаков как примете идиостиля поэта. Метафорическая составляющая эпитетов-композитов заключается в объединении иногда почти тождественных, а иногда далеких признаков, которые начинают восприниматься как очень близкие на основе фонетического родства или смыслового оттенка.

Библиографический список

Глушкова В.Г. Лингвостилистические особенности эпитетов в художественной прозе С.Н. Есина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2000. 23 с.

Голубина К.В. Виды эпитета в художественном тексте // *Стилистика и поэтика* // Сборник науч. трудов МГЛУ. 1997. Вып. 439. С. 26–34.

Громова А.В. Регулятивный потенциал прилагательных в поэтическом дискурсе М. Цветаевой: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Томск, 2010. 28 с.

Губанов С.А. Сложный эпитет в идиолекте М. Цветаевой: лингвистика смысла // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 385. С. 5–8.

Губанов С.А. Теория эпитета: основные подходы: Монография Самара: ООО ПД «ДСМ», 2016. 144 с.

Куксина А.Е. Структурно-семантические типы сложных эпитетов в языковой картине мира писателя (на материале художественной прозы Ю. Нагибина): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 2008. 22 с.

Куксина А.Е. «Необыкновенно красивые глаза безнадежно уродливой Витьки» (Эстетическая функция сложного эпитета в рассказах Ю. Нагибина) // Бардыгинские чтения: сборник трудов I научно-практической конференции, посвященной 100-летию ЕТИ МГТУ «Станкин». Егорьевск: ЕТИ МГТУ «Станкин», 2008 а. С. 150–159.

Лободанов А.П. К исторической теории эпитета (античность и средневековье) // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1984. Т. 43. № 3. С. 215–227.

Маниева Н.С. Прилагательные-эпитеты в поэтическом дискурсе второй половины XX века: лингвистический анализ: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Махачкала, 2007. 23 с.

Надежкин А.М. Корневой повтор в художественной речи Цветаевой // Вестник Нижегородского государственного университета. 2012. № 3-1. С. 393–395.

Фадеева Т.М. Сложный эпитет в художественном пространстве русского языка. М.: Изд-во МГОУ, 2013. 350 с.

Фадеева Т.М. Сложный эпитет – ядерная единица художественного пространства в русском языке: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01. М., 2014. 42 с.

Четверикова Т.Д. Специфика шолоховского эпитета (на материале романа «Тихий Дон»): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 2008. 17 с.

Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 томах. М.: Эллис-Лак, 1994. Т. 1–7.